

НЕОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ

Четыре московских звезды на лондонской халтуре

Владимир СИМОНОВ,
собкор РИА "Новости" и "МК", Лондон

На днях в Лондоне, в театрально-концертном зале Логан Холл, я бросил взгляд на плотно забитые ряды и ужаснулся. Как много русских-то в Лондоне, братцы! В зале человек 900, а сколько еще без билетов на улице осталось? И что ж это они все сидят по офисам и особнякам, как кроты? Может быть, создать что-нибудь сообща российское, нетленное? Скажем, возвести Тем-зогсэ? Или взорвать собор Святого Павла, а потом немедленно восстановить его из бетона?

Мои размышления прервал посол России в Великобритании Юрий Фокин, который объявил русский театральный сезон в Лондоне открытым. Это был, так сказать, первый монолог.

Потом последовали еще четыре, вкпе соста-

вляющие пьесы Жана Кокто "Карманный театр". Ее привез сюда театр "Ленком", самый популярный здесь из российских драматических театров.

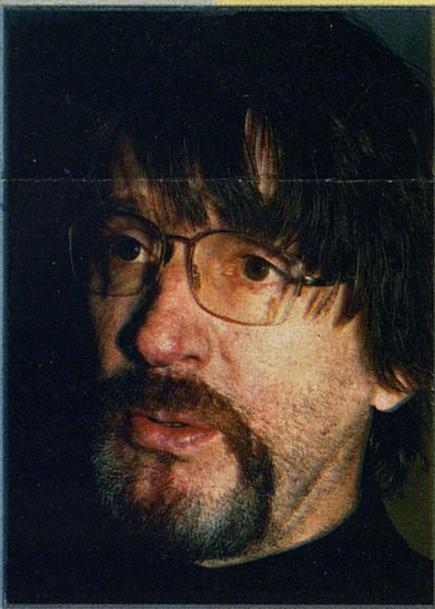
Впрочем, пьесы с таким названием у Кокто нет. Вместе с французской журналисткой Мари-Франсуаз Голински мы с трудом установили, что это не что иное, как "Человеческий голос", малозначительная работа Кокто, редко ставящаяся на сцене. Понятно, чем она хороша для заграничных гастролов. Нуль декораций и четырех монолога. Четыре актера могут выдать их без всяких совместных прогонов. Вон Ирина Алферова прилетела из Израиля, Абдулов, Збруев и Елена Шанина — из Москвы. И ничего, состоялось.

Однако немало зрителей покинули в тот вечер Логан Холл в разной степени разочарования. И я бы не рискнул упрекнуть их в популистских вкусах:

вам, мол, только мюзиклы подавай, чтобы люстра грохнулась, как в "Призраке оперы", чтобы муржи голосили, как в "Кошках". Главное, что настоящим "Ленкомом" в тот вечер и не пахло. И актерам, и зрителям было ясно — это быстренькая заграничная "халтурка". Ну, не в Туле же заставишь народ платить по 35—40 фунтов (59—65 долларов) за билет. А в Лондоне пожалуйста.

Вот и едет в британскую столицу КВН. Вот и испекли здесь первый театральный блин "Ленкомом". А за ним уже клеит афишки театр-студия Олега Табакова.

Тем временем за кулисами удалось перебраться парой словечек накоротке с ленкомовскими гастролерами. И в этих кратких интервью проявилось многое из того, чем дышит нынче российский актер, что гонит его в Лондон и Тель-Авив, за эмигрантским фунтом и шекелем...

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ ОКАЗАЛСЯ ВБЛИЗИ ОГРОМНОГО РОСТА. ЗНАКОМЫЕ ЧЕРТЫ НЕ СРАЗУ ПРОСМАТРИВАЛИСЬ СКВОЗЬ ОБЩУЮ НЕБРИТОСТЬ И НАЧЕС НА ЛОБ.

Близка вам эта философия Кокто о любви и одиночестве?

— Понимаете, мы ведь все садисты немножко. Каждый из нас, оставаясь наедине с самим собой, хочет еще и поиграть на собственной боли.

— А на вас самого, на Александра Гавриловича Абдулова, одиночество частенько накатывает?

— Я больше скажу. Я даже его иногда вызы-

ваю искусственно.

— Вы, значит, этаким одинокий волк?

— У меня профессия публичная, поэтому хочется иногда побыть и одному.

— Я где-то прочитал, что вас мощно влечет на природу, да?

— А я живу за городом.

— Разводите цветы, кормите птичек с ладошки?

— У меня все там. У меня собака. У меня кошка. У меня попугай. У меня рыбки. Я живу вместе с мамой, с братом — так что у меня там вся семья. Просыпаешься, вокруг березы, поют птицы, бегают белки. Это другое понятие жизни вообще. Нежели ты просыпаешься и видишь стенку другого дома. Это разные вещи.

— Александр, когда в стране президент в больнице, то вышел из больницы, то доллар 6 рублей, то 23 — это как-то на театр влияет? Как-то приливы-отливы настроения зрительного зала к вам на сцену доходят?

— Наверное, что-то меняется. Наверное. Но дело в том, что мы в нашем театре — счастливые люди. Он у нас муниципальный, нас Лужков взял под себя. Поэтому я считаю, что наш театр спокойно может войти в Книгу рекордов Гиннесса. Потому что за 25 лет существования захаровского театра я знать не знал, что такое лишний билетик. Не видел, чтобы было пустое место в зале. Хотя Станиславский с Немировичем-Данченко пугали: 16—18 лет — это максимум для театра, дальше он умирает. И вообще так оно и есть. Но не у нас.

— И сколько из этой четверти века там отслужил актер Абдулов?

— 24! Замечательно, что Марк Захаров сумел создать некий организм, который никому не удается повторить. У нас, например, нет никаких склок, знаете?

— А разве юные актеры не теснят патриархов?

— Нет. Вот он, Захаров, например, сделал спектакль "Игрок", то есть "Варвар и еретик".

Там заняты сплошные имена: Чурикова, Збруев, Янковский, Джигарханян, Броневой... И тут же сделал спектакль, где мы не заняты, а заняты все молодые — "Мертвые души".

— А с возрастом приходит ощущение нового ампула, этого состояния с образом героя-любовника? Или этого нет?

— Ну, конечно, есть. Сейчас вот начинаю сам снимать кино.

— Какое?

— "Бременские музыканты". Хочу попробовать сам сделать. Сценарий написал Сергей Соловьев, замечательный сценарий. Никогда не думал, что кино такая зараза. Что буду во сне монтировать кадры. Что можно проснуться и писать ночью тексты. Когда ты входил в ткань фильма, он становится твоей кожей. Это как бы твоя кровь. Дико интересно, но жутко сложно.

— И как вам в шкуре режиссера? Уверенность есть?

— Нет ее. Первый раз как можно чувствовать себя уверенно? Режиссер же — это ведь образ мышления.

— Музыка в фильме будет, наверное, через край?

— Да, уже записали свои песни Долина, Шевчук, "На-на"... Занято дикое количество "звезд", начиная с тех же Збруева и Янковского. Причем я замахнулся еще вот на что. Съемки будут проходить 10 дней на острове Баи, потом две недели Египта, потом 10 дней Кении, потом месяц Азербайджана, потом 20 дней Петергофа...

— А такие разрезды на вашей личной жизни пагубно не отразятся? Что вообще в этой личной жизни происходит, если мы позволим себе такой агрессивный вопрос? Абдулов — примерный семьянин?

— Нет, я далеко... Я просто свободный человек. Сейчас у меня происходит одно. Я снимаю кино, так что кроме этого в голове нет ничего.

— Женщин нет даже в голове?

— Ничего там нет.

34
МК Б у м бор. - 1999 - 21 марта - С35